

ОТ АВТОРА

Я посвящаю эту книгу своей любимой — Марии Пономаревой, которая вдохновляла меня, поддерживала и торопила. Говорю абсолютно серьезно: если бы не она, книгу я вряд ли бы закончил, а возможно, и не начал бы. Она была для меня и музой, и мотивационным тренером. Маша, спасибо. Я тебя люблю.

Хочу поблагодарить еще несколько человек, способствовавших появлению этой книги. Своего друга Петра Фильчакова — так получилось, что именно у него дома я начал ее писать. На протяжении года он интересовался, как идет работа, поторапливая меня. Спасибо, мужик! Также спасибо Александру Федорову за советы и контакты. Спасибо Софии Кодзовой за профессиональное редактирование этого текста. И большое спасибо за создание крутой и жуткой обложки дизайнеру Дмитрию Нестеренко и художнику Анастасии Гушле.

Эта книга о чудовище из кошмарного сна, надеюсь, оно навсегда останется там или на страницах этой книги, больше нигде. Я очень надеюсь, что никто и никогда не встретит его в реальной жизни. Был бы рад написать книгу о том, какое чудо — жизнь и как я люблю ее, и какой подарок — просто существовать. Наверное, эта книга — такой очень странный способ поделиться этой мыслью.

Лучший друг

Он всегда был таким. С самого детства.

Однажды, в восьмилетнем возрасте, перед выходом на улицу он достал из холодильника колбасу и отрезал толстый кусок, кинув взгляд за спину, чтобы убедиться, что его не видит отец, строго отслеживавший расход колбасы и конфет в доме. Затем положил ее обратно в холодильник, аккуратно взял указательным и большим пальцем влажный розовый кусок и направился к двери. Натянув одной рукой старые уличные кроссовки, вышел во двор и начал высматривать Белку.

Вообще-то Белка была кобелем, но дети почему-то называли его Белкой. Обычная бродячая дворняга, совсем еще молодая, со щенячьими ужимками. Она всегда ошивалась где-то неподалеку и, завидев Андрея, как правило, пристраивалась рядышком и провожала его до самой школы. Пока не отвлекалась либо на кошку, либо на стаю соседских бродячих собак, либо — если повезет — на валяющиеся объедки.

Андрей сразу увидел ее, она мелькнула своим рыжеватым мехом в паре домов от него.

Он осмотрелся, на улице из ребят никого не было. Появись кто-то из них, это могло бы его остановить. Возможно, могло бы изменить всю его жизнь, не почувствуй он сегодня этот незабываемый вкус силы. Если бы, например, какой-то соседский парнишка, заметив его, подошел бы и сказал:

— Андрюха, а ты чо, с колбасой? Дай укусить!

Андрей отломил бы ему кусок колбасы, они ее съели бы и пошли играть на стройку, в овощехранилище или плавать по болотной жиже на трухлявых деревяшках, к которым были привязаны пластиковые бутылки.

Но двор был пуст. В голове пульсировала кровь от возбуждающего желания довести задуманное до конца. И увидеть все это своими глазами.

Стоило ему сделать пару шагов в ту сторону, где рылась в мусоре Белка, как та радостно рванула ему навстречу, а, подбежав ближе и почувствовав запах колбасы, буквально ошалела. Нетерпеливо поскуливая, она так бойко стала подпрыгивать, что Андрею пришлось поднять колбасу повыше от ее вертлявой морды. Этот маневр собака расценила как начало игры.

Андрей еще раз осмотрелся, засунул колбасу в карман куртки и быстрым шагом двинулся от

домов к пустырю, не обращая внимания на заинтригованную Белку, неотступно следующую за ним в напряженном ожидании.

Они прошли детский садик, затем гаражи и свалку строительного мусора. Дальше начался лес, там Андрей прибавил шагу, а потом и вовсе перешел на легкий бег.

Чем глубже он уходил в лес, тем увереннее себя чувствовал. Задуманное уже не казалось ему каким-то мутным наваждением, оно походило на вполне реальный план, который вот-вот должен был осуществиться.

Теперь он бежал, совсем не чувствуя усталости; в какой-то момент из-за охватившего его ощущения невероятной свободы он даже позабыл про Белку, но она по-прежнему трусила за ним с такими же горящими глазами, как будто разделяла с ним торжественность момента.

Он пробежал под аркой железнодорожного моста, замочив ноги в ручье, и, не обращая на это внимания, продолжил путь дальше. Минут пять спустя остановился, немного отдышался и кинул взгляд на собаку, не сводившую глаз с руки в кармане.

— Так, где-то здесь... — начал он шарить глазами по траве.

Вокруг не было ни души. Воздух был прозрачный, погода — безветренной. Андрей подумал,

что все складывается как нельзя лучше, казалось, сама природа подыгрывала ему, пытаюсь понять, как далеко он может зайти.

Он повернул и пошел вдоль железнодорожной насыпи. Минут через пять он наконец-то увидел то, что искал глазами, — кусок веревки, лежавший в невысокой траве. Подойдя поближе, он убедился, что это то самое дерево. Вокруг его ствола была обвязана на несколько оборотов и узлов веревка, примерно на полуметровой высоте, со свисающим и тянувшимся по земле трехметровым концом, напоминавшим притаившуюся в траве здоровенную змею.

Андрей кинул кусок колбасы к дереву, и Белка сразу же накинулась на него, прижав лапами к земле, будто он мог убежать. Андрей, не теряя времени, взял веревку и, прикинув, сколько ее понадобится, чтобы собака не могла далеко отбежать от дерева, накинул ей петлю на шею. Белка даже не отвлеклась на это, продолжая жевать, и он спокойно затянул петлю, но не сильно, чтобы не сдавливать шею.

Собака доела колбасу, осмотрелась в поисках добавки, не нашла ее, успокоилась и наконец-то обнаружила, что привязана к дереву. Она попыталась было вытянуть голову из петли, но не смогла, после чего удивленно уставилась на Андрея.

Он испытал новый прилив вдохновения, оглядев привязанную собаку со стороны.

«Неужели все так просто?!» — подумал он.

У каждого человека наступает момент, когда впервые просыпается сознание, и он в полной мере «осознает» себя. К этому может побудить все что угодно: встреча с мамой после долгой разлуки, услышанная музыка или новый фильм, подарок, какая-то игра, смерть близкого человека...

У Андрея случился именно этот момент. Он, не двигаясь, слегка улыбаясь, стоял и как загипнотизированный смотрел на собаку, принюхивавшуюся то к траве, то к дереву, то к веревке, крепко держащей ее за горло, и поглядывавшую в нетерпении в сторону поселка.

Андрей простоял так минут десять, затем, словно очнувшись от прекрасной музыки, идущей откуда-то изнутри — он слышал ее, когда засыпал, — подошел к собаке и, опустившись на одно колено, заглянул ей в глаза и погладил по голове.

— Бееелка, — произнес он.

Белка завиляла хвостом, уловив в его словах нежность.

Очнувшись от транса, он проверил, насколько хорошо веревка держится на шее собаки. Отойдя подальше, он начал кричать и хлопать

по колену, подманивая ее и делая вид, как будто что-то держит в руке.

Собака начала азартно рваться к нему, но веревка держала ее крепко. Какое-то время он продолжал хлопать, подзывая ее:

— Белка! Белка! Давай, иди сюда! Давай! На-на, держи!!!

Так продолжалось около минуты, пока собака не начала уже похрипывать, тогда он остановился, поняв, что веревка хорошо закреплена.

Дело было сделано. Хотя правильнее было бы сказать, начало положено. И это оказалось так просто, как во сне, когда ты вдруг без всяких причин чувствуешь, что можешь взлететь, и решаешь взлететь, и летишь!

Уходить не хотелось. Он сел возле соседнего дерева, опершись на ствол.

Засыпая вечером, он почувствовал, что его жизнь наполнилась смыслом. Не каким-то абстрактным смыслом, а конкретным, желанным, ярким. Как будто кто-то пришел к нему и рассказал, зачем он живет, и от этого знания странная пустота внутри, от которой было так грустно и холодно, исчезла. Все вдруг стало просто и интересно. Как будто началась какая-то загадочная игра...

На следующий день, сразу после школы, в которой все теперь казалось еще более ненужным и смешным, он побежал в лес.

Белка вскочила и бросилась к Андрею, но веревка дернула ее обратно, и она принялась дружелюбно вилять хвостом, ожидая, что будет дальше.

Андрей сел на траву и с интересом стал за ней наблюдать.

Сама Белка его не особо интересовала. Его привлекала ситуация, в которой это живое существо было в его власти. Он может прямо сейчас сделать с ней все, что угодно, и ему за это ничего не будет. Он ощущал эту власть. Он мог бы сидеть вот так, ничего не делая, сколько угодно, просто находясь в этой сладкой и наполненной влечением обстановке.

Белка ему нравилась. Он испытывал к ней настоящую нежность. Она была всегда такой чистенькой, не как остальные бродячие собаки — грязные, облезлые, в пятнах, с болезненной кожей. Она была приветливой. В ней чувствовалось какое-то благородство. Из-за необычного рыжеватого оттенка она больше походила не на бездомную псину, а на гордого лесного зверя, вышедшего к людям. Кстати, именно из-за этого яркого окраса дети и называли ее Белкой.

Но нежность к собаке в сознании Андрея никак не перечеркивала желания «поиграть» с ней. Наоборот. Именно потому, что она была такой милой, с ней и хотелось играть.

Не с Кочерыжкой же! Грязно-белая псина, как будто ею помыли полы в подъезде, а потом выжали и отпустили на улицу, и от этого она вся кривая и тупая. Каждую весну на нее по очереди взбирались все уличные псы, а она, поджав хвост, щурилась и прижималась к земле, распляля самцов. Сука...

Его передернула мысль о том, что на месте красивой Белки могла бы быть Кочерыжка. Тогда все стало бы бессмысленно. Глупо.

Он приходил сюда каждый день. Было ощущение, как будто только здесь он наполнялся какой-то сказочной энергией, которую чувствовал всем телом. Как будто ветер поднимался снизу вверх, прямо к сердцу. Хотелось мечтать и представлять будущее. Он сам еще этого не знал, но это было вдохновение. Вдохновение жить.

Андрей сидел около двадцати минут, в какой-то момент надо было резко встать и уйти, чтобы волшебство не пропало. Он, словно животное, интуитивно понял, как «это» у него работает.

Он шел домой задумчивый и улыбающийся.

Школа его больше не интересовала, да и все остальное казалось уже малозначительным.

Раньше при решении задач или зубрежке стихов голова просто отказывалась работать, как будто специально отключала то зрительную, то

слуховую память, как будто специально палки в колеса вставляла.

Теперь Андрей мог предвидеть, что будет говорить или делать учитель, и даже несколько раз удивил полноватую, добрую учительницу математики, когда, забывшись, полушепотом закончил фразу, когда она запуталась и, прервавшись внезапно, заглянула в методичку. Она тоже считала его странным, неприятным и туповатым лентяем.

За годовой диктант он неожиданно получил пятерку, хотя впервые его не волновала оценка.

Пока он сидел на уроках, в голове была лишь одна мысль: как побыстрее дождаться окончания всей этой нелепой бессмыслицы и, переодевшись, бежать в лес.

Все стало неважно: кто с кем дружит, переведут ли тебя в другой класс, скоро ли каникулы... Все это казалось блеклым плакатом, закрывавшим чудесное окно в новый, прекрасный и главное — настоящий мир. Мир, в котором ты не просто существовал, как все остальные, а точно знал, что относительно тебя существует какой-то определенный замысел.

Андрей впервые отчетливо ощутил, что ему хочется жить. Ответы на бесконечные жизненные вопросы: зачем, почему, как, — над которыми обычный человек мучается всю свою